

**Лариса Борисовна Никитина**Омский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор, Омск, Россия  
e-mail: laribn@rambler.ru**Трансформации грамотности в интернет-общении**

*Аннотация.* Рассматривается вопрос влияния компьютерной грамотности на лингвистическую грамотность. Описываются типичные для интернет-общения трансформации грамотности, выявляются их причины, отношение интернет-коммуникантов к языковым нормам и отступлениям от традиционных правил оформления письменной речи. С привлечением результатов опроса студентов-филологов нарушения языковых норм в интернет-опосредованных диалогах оцениваются с лингводидактической точки зрения.

*Ключевые слова:* интернет-общение, новая грамотность, лингвистическая грамотность, нарушение языковых норм, неграмотность, псевдограмотность.

**Larisa B. Nikitina**Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philological Sciences, Professor, Omsk, Russia  
e-mail: laribn@rambler.ru**Transformations of Literacy in Internet Communication**

*Abstract.* The article considers the influence of computer literacy on linguistic literacy. The article describes the typical transformations of literacy for Internet communication, identifies their causes, the attitude of Internet communicants to language norms and deviations from the traditional rules of writing. Using the results of a survey of Philology students, violations of language norms in Internet-mediated dialogues are evaluated from a linguodidactic point of view.

*Keywords:* Internet communication, new literacy, linguistic literacy, violation of language norms, illiteracy, pseudo-literacy.

Интернет подарил нам новые коммуникативные ресурсы и оказал существенное влияние на нашу речь. Удобные с точки зрения скорости передачи и получения информации интернет-базированные сообщения (например, посредством СМС, Viber, WhatsApp и других мессенджеров), а также реактивное общение в чатах, переписка в социальных сетях, преимущественно анонимное комментирование разнообразной информации предоставили коммуникантам максимальную свободу самовыражения и отразили целую гамму их речевых возможностей.

Стремительно развивающаяся интернет-лингвистика плодотворно изучает новые речевые структуры, порождаемые современными электронными технологиями, и обращается к проблеме формирования правил и норм интернет-коммуникации и роли человеческого фактора в этом процессе [1; 2; 3; 4; 5].

В связи с интернет-общением особую актуальность приобрел вопрос о грамотности. Акцентируя внимание на лингвистическом аспекте этой сущности, не можем не заметить, что в 1990-х гг. в научный оборот было введено понятие «новая грамотность», которое «...становится очень популярным не только у филологов, но и у культурологов, философов, психологов, социологов, представителей компьютерных наук. В осмыслении педагогической науки “новая

грамотность” по понятным причинам приобретает широкий дидактический смысл» [6, с. 168–169].

Новая грамотность связана с освоением новых форм письменной коммуникации, осуществляемой посредством современных компьютерных технологий. Она включает умения обмениваться мгновенными сообщениями, переписываться посредством электронной почты, общаться в социальных сетях и чатах, участвовать в обсуждениях на форумах и осуществлять другую интернет-опосредованную деятельность. В этой связи лингвистическая грамотность, традиционно понимаемая как степень владения навыками чтения и письма на родном языке, оказывается вписанной в более широкое понятие новой (компьютерной) грамотности.

Понятие лингвистической грамотности включает не только знание норм русского литературного языка, но и умение, руководствуясь ситуативными факторами, воплощать это знание в речевой практике. Кроме того, считаем уместным рассматривать лингвистическую грамотность и как показатель культуры общения в целом. При этом не можем не признать, что подаривший нам свободу речевого самовыражения интернет внес существенные коррективы в наши традиционные представления о грамотности, а сама грамотность под его влиянием претерпевает трансформации. Рассуждениям

на эту тему, подкрепленным данными опроса активных интернет-пользователей, посвящена настоящая статья.

Материалом нашего исследования стали интернет-диалоги, которые были предоставлены на анонимной основе разными по половым, возрастным и другим параметрам категориями общающихся, а также открытые комментарии в социальных сетях. В поисках ответа на вопрос, как интернет-коммуниканты относятся к отступлениям от языковых норм, мы провели опрос более 150 студентов филологического факультета Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ).

Разговор о трансформациях грамотности в интернет-общении начнем с опечаток — наименее безобидных проявлений речевой небрежности. Опечатка (описка) не квалифицируется как ошибка, поскольку за ней не стоит незнание правил: она результат невнимательности или поспешности пишущего. В интернет-переписке опечатки оправданы, кроме того, физическими особенностями собеседников (например, большие пальцы, длинные ногти) или техническими неисправностями (например, западающие клавиши). Наиболее частотные опечатки: написание соседней на клавиатуре буквы вместо необходимой ((1) — *желаю радости мешок, дом радости большой, вокруг людей любтмых радости улыбок и плюшевых игрушек*; (2) — *всем жобра* // *д\**); (3) — *вечело мне с тобой будет*); написание прописных или строчных букв там, где это не оправдано ((4) — *По-моему под это подходит любая организация, например, пенсионный фонд или бти* // *Или почта, вО! Точно*); (5) — *Не трепыхайся. — Я что рыба твоей мечты, чтоб трепыхаться?* 😊 — *рыба... Это ЯЯЯЯЗЬ что ли? Ну если по костлявости судить то да, тянешь — ДА ну тебя // Я не костлявая!*; (6) — *Надо отдыхать. // Не только 55-м регионом!* 😊 — *Кто сказал, что я им отдыхаю\* // ? — Ты)))) — КОгда? // О\_0*); пропуск или вставка лишней буквы (слога) ((7) — *ну пример я бсь со всвоим котом и он меня удельявает неожиданно будет верно?*); (8) — *да все будет норм у меня такое было вроде все впустую на это впустую дает такойтолчеквсчто прогресс семимильными скачет*; (9) — *Я тебя посетил? // \*м*); мена букв ((10) — *Как турнир?* // 😊 — *оооваащщеешиаакрный !!!!!*); (11) — *меня люди воспринимают и подпускают чуть ли не полсе первого знакомства*; (12) — *А тебе бы все быстрее. — амен все быстрее и быстрее )))))).* Коммуниканты могут исправлять опечатки, но чаще из экономии времени «не замечают» своей оплошности или действуют по принципу «и так всё понятно».

Несмотря на то, что опечатки не есть ошибки, их частотность заставляет говорить о существенном искажении речи, но одновременно отмечать толерантное отношение к этой ставшей почти тотальной языковой небрежности. Интернет-корректоры далеко не всегда помогают пишущим, их «подсказки» могут быть неуместными, провоцирующими гораздо больше проблем в восприятии написанного, чем допущенные опечатки.

В целом исправлять свои опечатки и корректировать корректора — это значит замедлять скорость общения, поэтому на опечатки либо не обращают внимания (функцию «корректор» часто вообще отключают), либо реагируют в самых крайних случаях, когда существенно страдает смысл написанного.

Кстати, именно установка на скорость передачи информации узаконила ряд сокращений в интернет-переписке, например: *пжлст* (пожалуйста), *споки* (спокойной ночи), *крч* (короче) и многие другие, получившие статус общеизвестных, а также те, что понятны конкретным собеседникам в конкретном ситуативном и лингвистическом контексте: (13) — *Ты как? — Темп норм, остальное так же*; (14) — *на вых, думаю удобнее будя ибо завтра время точное еще не известно* — *НУ хорошо, на вых так на вых*; (15) — *ну мама расскажет — Но вдруг есть только в него например экс // Ага, они на след неделе поедут* (в данных контекстах *темп* — температура, *норм* — нормальная, *вых* — выходной, *след* — следующий, *экс* — экскурсия). В отличие от опечаток сокращения не делают речь небрежной и бессмысленной, имеют конвенциональную обусловленность, помогая собеседникам сохранять высокий темп передачи информации. В то же время и опечатки, и сокращения — это своего рода проявления трансформации традиционных норм оформления письменной речи.

Пример трансформации грамотности — осознанное, намеренное отступление от орфографических и пунктуационных норм. Если эксперименты с орфографией подаются и воспринимаются хорошо знакомыми друг другу собеседниками как игра (коммуниканты посылают друг другу невидимые сигналы: «я знаю, как правильно, но хочу пошутить; уверен, что ты поймешь мою игру» — «я понимаю, что это игра, а не ошибка, и принимаю твою шутку»), то пунктуационные вольности оправдываются стремлением к скорости передачи информации.

В частных диалогах, как правило, играют с той орфографией, которая не представляет особых трудностей: это, например, написание «жы», «шы», «чю», «щю» вместо нормативного «жи», «ши», «чу», «щу»; «о» вместо «е» после шипящих; слитное написание слов или, наоборот, написание слова с внутренним интервалом и другие, легко опознаваемые адресатом орфографические манипуляции собеседника: (16) — *Как дела? — Да ничотак, жьВ-здоров*; (17) — *АБАл-деть, ну деловая. Где работаешь? — Картриджи запроваляю*; (18) — *пИриУзД!* — *Привет — каГдила?* — *Нормально. А ты как? — да ничотак, жьВ-ЗДаров*; (19) — *Танцы с двумя кому ляторами увенчались успехом*; (20) — *Ну што, щи слива вапутя?* В условиях контакта незнакомых интернет-собеседников подобные орфографические манипуляции могут терять свою игровую актуальность, поскольку фигура пишущего в аспекте лингвистической компетентности не актуализируется.

Чем сложнее орфографическое правило, тем меньше поводов думать, что его нарушение — игра, скорее это элементарная неграмотность или в лучшем случае небрежность, связанная с торопливостью пишущего и нежеланием задумываться над правильностью в ущерб скорости отправления информации. В целом же отделить орфографические ошибки в интернет-переписке от осознанных отступлений от правил, вызванных игровым настроением пишущих, — задача малоэффективная даже для лингвиста: интернет-коммуникация легко меняет «лицо» знакомого собеседника и поддерживает анонимность незнакомых. Применительно к интернет-общению действует принцип ненанесения вреда коммуникации отступлениями от правил правописания

(независимо от причин этих отступлений). Иными словами, собеседники достигли главного — получили информацию или передали ее, общение состоялось, и ненормативная орфография этому не помешала (в случае взаимной установки на «орфографическую игру» общение даже приобрело новые краски: информация плюс удовольствие от речеворчества).

Аналогичный принцип действует применительно к пунктуационному оформлению интернет-опосредованного общения. Однако пунктуация в электронной коммуникации редко приобретает форму языковой игры — отношение к ней по большей части прагматичное: кто-то (среди них чаще вступающие в официальную переписку) старается ее соблюдать, а кто-то балансирует между следованием норме и отступлением от нее в угоду скорости общения; крайний случай — элементарное незнание пунктуационных правил и полный отказ от использования знаков препинания. Все названные позиции, пожалуй, объединяются следующими общими посылами: во-первых, пунктуация нужна для того, чтобы передать интонацию, чего так не хватает в условиях опосредованного интернетом общения; если на первый план выходит информация, а интонационный рисунок вторичен, то пунктуация уходит на второй план (ею пренебрегают); во-вторых, пунктуация нужна для понимания адресатом смысла высказывания. Именно непонимание смысла может стать причиной метаязыковой рефлексии: (21) — *тебе раньше надо? — не норм — Почему, успеешь ведь — Норм // в смысле не, норм))) // сила пунктуации)) казнить нельзя помиловать;* (22) — *Главное пришло — что пришло? — ну главное, что все пришло говорю — А! поняла, знак не поставила;* (23) *Но потом когда стало легче я начала бегать работать боялась легкие могут быть поражены — Не пойму. Полезчало и сразу работать побежала? Шустро. Или боялась работать? — Нет! Стала бегать в парке понемногу (физкультура), работать по дому — уборка, стирка. На работу еще не выписали — Ну теперь понятно. А то все в кучу без точек-запятых — Тороплюсь писать.* В следующих примерах присутствуют только восклицательные и вопросительные знаки, способные передать эмоциональный настрой коммуникантов; запятые игнорируются в силу их необязательности для передачи смысловых акцентов, а также нежелания тратить время на смену регистров: (24) — *Лучше б квитанции оплатил! — оплатчу планирую в июле когда поедем отдыхать что бы долгов уже не было;* (25) — *у тебя все нормально??? последние дни не общительная может что то случилось я могу что то для тебя сделать??* (26) *Она спросила как себя чувствуе-те сама пишет что-то не отрывает головы Ужас!! Ушла ничего не поняла как дальше лечиться и они еще рассказывают как все у нас теперь налажено???!!*

В среде интернет-пользователей сформировалось представление об особой смысловой нагруженности точки в конце сообщения: наличие точки означает, что разговор серьезный, или что собеседник ответил слишком резко, или что он не расположен продолжать общение. Для этого явления даже появилось специальное наименование — «пунктумофобия» — боязнь получить сообщение с точкой в конце. Всё это может рассматриваться и как оправдание игнорирования точки как пунктуационного знака в связи с экономией времени.

Трансформации коснулись и активно используемого в интернет-общении транслита, причиной обращения к которому не в последнюю очередь стала установка на быстроту обмена сообщениями (переключение языка ввода замедляет процесс написания). Кроме переделок иностранных слов и выражений — результата креативного настроения коммуникантов, например *сорян* (от англ. *sorry* — *прости*); *ок* (сокращенное от английского *okay* — *хорошо*); *ИМХО* (от англ. аббревиатуры *IMHO*, расшифровывающейся фразой *In my humble opinion* — *По моему скромному мнению*; вторая (жаргонная) расшифровка этого сокращения — *Имею мнение хрен оспоришь*), отмечаются транслитерации, демонстрирующие вольные «переводы» без строгой опоры на язык-источник, например *айз* (от англ. *ice* — *лед*; используется в переносном значении: *хорошо, здорово, так, как должно быть*); *биливми* (от англ. *believe me* — *поверь мне*). В целом эксперименты с иностранными словами, отражающие установку на оригинальность оформления сообщения, демонстрируют разную степень следования правилам транслитерации.

Опечатки и ошибки перестают восприниматься как проявления неуважения к адресату, они оправдываются скоростью передачи информации или техническими причинами, в редких случаях замечаются интернет-собеседниками, и метаязыковая рефлексия, очевидным образом замедляющая процесс общения и уводящая от темы разговора, становится уделом той немногочисленной части интернет-коммуникантов, которая особенно щепетильна в вопросах грамотности и привыкла реагировать на отклонения от нормы: (27) *Вот и я думаю, в марте на удаленку, а сейчас капец и нифига // Тупа не апакалписис — Боится сам решения принимать, ждет, когда сверху отмашку дадут — Ой, ошибок наделала! На ходу все);* (28) — *Думаю с твои количеством поломанных костей 10 сеансами не отделаться 😞😞😞 // Там еще и мануалку пропишут // И вообще спросят как вы даехали // Доехали — 😞 // Иди нафиг — Тупой т9 — Вот у меня т9 не знает приставку даА — Я ж говорю тупой 😞;* (29) — *Ну мейби, мейби) — В одно слово 😞 — Что в одно слово // Мейби? // Да. Я знаю // Тут клавиатура своей жизнью живет пока 😞.*

По нашим наблюдениям в большинстве случаев рефлексиируют по поводу опечаток и случайных ошибок филологи, и эта рефлексия, часто сопровождающаяся извинениями за речевые оплошности и указаниями их причин, адресуется в первую очередь филологам же и очень редко — собеседникам, для которых языковая норма не является профессионально осмысляемым феноменом: в подтексте языковой рефлексии прочитывается стремление не быть уличенным в непрофессионализме: (30) *У кого антитела — в мощ деду морозу! // Пардон, мягкий знак потеряла;* (31) *С прививками наверно торопиться не стоит — Тоже так думаю — Наверно в запятых) — Что значит филологи: все рефлексиируют по поводу запятых и т. п.);* (32) *Меня выписали. Иду в театр — Давай. Актерские работы хорошие. Одн из моих любимых // Простите ошибки. В буквы не попадаю. Все на бегу;* (33) *Красота.. Тоскуешь за сибирской зимой...? // По зиме. Филолух (из переписки собеседников-филологов в чате). Заметим, что филологи — это и основные мастера сопровождающей интернет-общение языковой игры, заключающейся в сознательном*



нарушении языковых норм. В этом случае мы имеем дело с псевдонеграмотностью, «...которая хорошо известна нам по разговорной речи знатоков языка, намеренно нарушающих правила, искажающих слова, пародирующих речевые ошибки, смешивающих стили для создания иронического эффекта» [6, с. 170].

Для интернет-общения привычны не только опечатки, нарушения норм орфографии и пунктуации, вольные переводы с иностранного языка, но и отступления от традиционных этикетных правил: стало необязательным здороваться и прощаться, благодарить, извиняться за причиненные неудобства и осуществлять другие речевые действия, демонстрирующие уважение к собеседнику. Это касается не только общения близких, хорошо знакомых друг другу людей, но и статусно-ориентированных речевых контактов, разговоров с неизвестным собеседником. Так, студент может не поздороваться с преподавателем, не поблагодарить его за ответ или не извиниться за несвоевременность выполнения задания (о студенческом антиэтикете см.: [7]); незнакомые друг с другом люди общаются на «ты», дают категоричные оценки, допускают оскорбительные выпады в адрес невидимого собеседника, используют ненормативную лексику, т. е. игнорируют элементарные правила вежливости (анонимность общения в интернете становится антиподом традиционной речевой вежливости).

Итак, письменная разговорная речь как новая форма коммуникации заставила по-новому взглянуть на проблему соблюдения орфографических и пунктуационных норм и на необходимость строгого следования правилам речевого поведения. Грамотность в интернете сохраняет свои позиции лишь в условиях официальных статусно-ориентированных контактов, а также поддерживается усилиями той образованной части коммуникантов, для которых ошибка — это удар по репутации, проявление неуважения к собеседнику и к самому себе. Однако таких идеальных ситуаций, в которых грамотность — обязательный атрибут общения, становится всё меньше: в погоне за скоростью передачи информации и оригинальностью речевого самовыражения даже самые грамотные интернет-собеседники перестают быть щепетильными в вопросах следования нормам. В целом интернет-общение раскрепостило всех, независимо от возраста, уровня образования, личностных характеристик, и повысило градус вседозволенности, а вопрос о том, как распорядиться этой свободой, каждый решает сообразно собственным представлениям о норме, этике и границах дозволенного.

Опрос студентов филологического факультета ОмГПУ показал, что, общаясь посредством интернета, они стараются соблюдать правила орфографии и пунктуации (о своей установке на грамотность заявили все опрошенные, и эта солидарность, на наш взгляд, может быть объяснена исключительно профессиональной ориентацией). В то же время более 90 % респондентов отметили, что общение с близкими людьми, друзьями освобождает их от необходимости строго следить за своей речью, в то время как официальные контакты заставляют быть особо внимательными к ней. Интересно, что, говоря о повседневных неофициальных интернет-контактах, студенты-филологи признавали многочисленные и собственные, и чужие отступления от языковых норм, что противоречит первоначальной констата-

ции их старания соблюдать правила. Противоречие между отмеченным опрошенными студентами стремлением быть грамотными в официальном письменном интернет-общении и реальным положением дел отмечается автором статьи и его коллегами-преподавателями (в частности, многочисленные примеры отступлений от языковых и этикетных норм в педагогическом дискурсе приведены в [7]).

Проблема грамотности в интернет-опосредованном общении значима не только с лингвистической, но и с лингводидактической точки зрения, если учесть, что возраст пользователей интернета неумолимо снижается: сегодня интернет-коммуникация стала доступной детям с их еще не сформировавшимися представлениями о языковой норме и культуре речевого поведения.

Мы задали нашим респондентам вопрос, может ли, по их мнению, общение школьников в мессенджере повлиять на отношение последних к языковым нормам. Большинство ответов будущих учителей русского языка продемонстрировало озабоченность тем, что привычка не обращать внимания на правильность речи в интернет-переписке, сформировавшаяся под лозунгом «И так понятно», опасна не только толерантным отношением к неграмотности, но и полным отсутствием стремления овладеть языковыми нормами:

*Частое общение в мессенджерах с несоблюдением пунктуационных и орфографических норм может привести к тому, что школьники забудут / не захотят узнать, как правильно писать то или иное слово (ведь и так понятно, что мы имеем в виду);*

*Общение в мессенджере влияет на отношение школьников к языковым нормам, и это влияние не в положительную сторону, так как общение онлайн строится по принципу «главное, что ты меня понял»;*

*Школьники переписываются, не задумываясь о правилах написания слов, потому что считают, что собеседник их и так поймет. Отсюда возникает огромная проблема отношения школьников к языковым нормам. Школьники скажут: зачем нужны эти нормы, когда я пишу друзьям, еще кому-то и они понимают меня, несмотря на ошибки;*

*У школьников норма не сформировалась, в мессенджерах они видят много нарушений и воспринимают их, часто неправильный вариант остается первичным в сознании. Потом происходит уже не освоение нормы, а переучивание;*

*Многие считают, что раз их понимают и так, то зачем учить правила, грамотно писать. Школьники становятся ленивыми, теряют интерес к русскому языку: зачем знать правила, ведь «меня и так понимают»;*

*Общение в социальных сетях не дает возможности задуматься над такими важными вопросами: «как мы пишем» и «для чего мы это пишем». Это негативно сказывается на подрастающем поколении, так как оно привыкает к неправильной речи, использует сленговые слова не только за компьютером, но и активно употребляет их в повседневной речи;*

*Школьникам с неокрепшими орфографическими и пунктуационными навыками необходимо на регулярной основе видеть грамотные образцы письменной речи, чтобы нормы усваивались и доводились до автоматизма. При общении в мессенджерах требования к орфографии и пунк-*

туации снижаются, в переписках свой особый синтаксис, пунктуация и т. д., так как смысловая сторона разговора важнее формы, в которой она представлена. Но во всём нужно придерживаться баланса. Если ребенок преимущественно общается в мессенджерах, читает тексты сообщений, где хаотично расставлены или полностью игнорируются знаки препинания, где есть орфографические и другие ошибки, если он грамотную письменную речь встречает редко, мало читает художественной, научной литературы, это может негативно сказаться на его отношении к языковым нормам, представления о них будут разрозненными и несистематизированными;

Подростки из-за бездумного написания или спешки допускают серьезные ошибки, искажения, и самое страшное, что многие, когда пишут, руководствуются принципом: «Пешу как хачу!» Такая вседозволенность ведет к тотальной безграмотности обучающихся. И это явление не может не вызывать тревогу.

Добавим, что тревогу вызывает и то, что трансформации грамотности, которые наблюдаются в интернет-общении, переносятся и в иные сферы, стили, жанры речевого взаимодействия: в газетных текстах участились опечатки, нередкими стали так называемые технические сбои (например, отсутствие запятой или недописывание букв в конце строки) и даже откровенные орфографические и пунктуационные ошибки; малограмотны новостные сайты, пестрящие грамматическими нарушениями и стилистическими недочетами; эссе школьников на едином государственном экзамене (ЕГЭ) всё больше напоминают пунктирные интернет-реплики с их атрибутами (сокращениями, пропусками букв, не говоря уже об отступлениях от языковых норм).

В целом студенты-филологи не были категоричны в оценках трансформаций грамотности в интернет-коммуникации и подчеркивали способность как взрослых общающихся, так и школьников ориентироваться в коммуникативной ситуации, регулировать свое речевое поведение в зависимости от адресата и условий общения:

*Для грамотного человека не составляет трудности разграничить язык общения в мессенджерах, язык общения в бытовой сфере и язык общения в других сферах;*

*Сообщения в мессенджере не всегда отражают знания норм, которыми владеет человек. Школьник может прекрасно знать правила русского языка, интересоваться-*

*ся культурой речи и грамотно ставить знаки препинания на письме, но не делать этого в сообщениях, потому что так удобнее, да и к тому же все сейчас так общаются;*

*У меня, например, еще со школы сложилась привычка избегать знаков препинания при общении в социальных сетях. Но я знаю, как их ставить, и уже четвертый год учусь на филолога. Моя манера общения в мессенджерах не мешает мне уважать языковые нормы;*

*Я считаю, что если школьник является грамотным и знает, как и где правильно употреблять те или иные языковые единицы, то ему не помешают отступления от норм в условиях интернет-общения. Я сама, общаясь в социальных сетях, иногда целенаправленно делаю ошибки в стилистических целях, но это не значит, что я безграмотная и стану так писать в своей дипломной работе! И школьники делают так только в общении друг с другом, а в переписке с родителями, учителями и взрослыми они стараются писать грамотно. Но не могу исключить, что есть действительно неграмотные школьники, которые просто не хотят учить правила или их не знают, не запоминают и пишут с ошибками везде.*

Подведем итоги наших наблюдений. Новая грамотность повлекла за собой трансформации традиционной лингвистической грамотности. Интернет-опосредованное общение оказало существенное влияние на функциональную сторону языка: письменная речь как в условиях неофициального контакта, так и в условиях статусно-ориентированных официальных отношений общающихся становится в разной степени свободной от традиционных нормативных предписаний: новая грамотность (равнозначно: интернет-грамотность) допускает проявления орфографической, пунктуационной и другой языковой неграмотности разной природы, от элементарного незнания правил правописания до осознанной языковой игры (проявлений псевдонеграмотности), а также делает привычной оформительскую небрежность (опечатки). Трансформации грамотности в интернет-общении, не препятствующие коммуникации, с одной стороны, не вызывают активного противодействия общающихся, в том числе лингвистически образованной категории собеседников, с другой — вызывают беспокойство тех, кто болеет за дальнейшее развитие языка и учит ему: пренебрежение языковыми нормами в интернет-общении становится лингводидактической проблемой.

#### Библиографический список

1. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. 288 с.
2. Никитина Л. Б., Голошубина О. К. Моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере» // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 304–312.
3. Тошович Б. Интернет-стилистика : моногр. М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. 238 с.
4. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в интернете: концептуально-сущностные доминанты). М. : Изд-во РУДН, 2008. 300 с.
5. Nikitina L. B. Modelling of the Image of a Person Communicating in a Messenger // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. LVIII. P. 1062–1073.
6. Елина Е. Г., Фризен М. А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171.
7. Никитина Л. Б. Антиэтикет в педагогическом дискурсе // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2020. № 2 (27). С. 93–97. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-93-97

**References**

- Barkovich A. A. (2015) *Internet-diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 288 p. (in Russian)
- Elina E. G., Frizen M. A. (2018) "Novaya gramotnost'", "novaya negramotnost'" i rechevye zhanry, *Zhanry rechi*, no. 3 (19), pp. 168–171. (in Russian)
- Nikitina L. B. (2020) Antiehtiket v pedagogicheskom diskurse, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (27), pp. 93–97, doi: 10.36809/2309-9380-2020-27-93-97 (in Russian)
- Nikitina L. B. (2019) Modelling of the Image of a Person Communicating in a Messenger, *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, vol. LVIII, pp. 1062–1073. (in English)
- Nikitina L. B., Goloshubina O. K. (2018) Modelirovanie rechevogo zhanra "razgovor v messendzhere", *Zhanry rechi*, no. 4 (20), pp. 304–312. (in Russian)
- Toshovich B. (2015) *Internet-stilistika*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 238 p. (in Russian)
- Trofimova G. N. (2008) *Yazykovo vkus internet-ehpokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty)*. Moscow, RUDN Publ., 300 p. (in Russian)